

ВСПОМИНАЮ первые сценические встречи с Владимиром Самойловым. Было это три десятилетия назад, в Кемеровском драматическом театре. От спектакля к спектаклю актер заявлял о себе как о художнике, способном на многое. Его герои несли неизменно будораживший зал запас глубокой психологической правды.

Юлиус Фучик, Богдан Хмельницкий, легендарный Николай Кузнецов... Рассказ со сцены о таких судьбах, конечно же, накладывал колоссальную ответственность, требовал полной самоотдачи. Товарищи по работе шутили, что актер продолжает жить жизнью своих героев даже по выходным дням. И они не слишком преувеличивали. Отлично помню фотографии Николая Кузнецова в доме у Самойловых, в его крохотной гримборной. Актер подолгу всматривался в лицо отважного разведчика. А узнав, что я из Свердловска и что мне довелось быть на встречах с боевыми друзьями «человека из легенды», долго интересовался подробностями личных впечатлений бойцов из отряда Медведева о Кузнецове.

ВОБЩЕМ, вспоминая сейчас об этих первых встречах, я понимаю причины того неожиданного удивления, которое мне пришлось испытать летом 1968 года в дни гастролей в Свердловске Горьковского театра драмы. На афишах фамилия Самойлова — актера, по моим представлениям, безусловно, «положительного» обаяния — стояла рядом с шекспировским Ричардом III, горьковским Сатиным; современного героя представляла роль Виктора из популярной в те годы «Варшавской мелодии» Л. Зорина.

Ни одного из только что названных персонажей к числу заслуживающих быть примером для подражания не причислишь. Однако из этого вовсе не следует, что театр должен лишать их права на человеческое понимание, а порой, когда к тому есть основание и сочувствие. Еще Пушкин говорил о шекспировских героях, что у них не одна, а тысячи страстей. А Горький подчеркивал, что не начинает работу над образом того или иного отрицательного героя до той поры, пока не уяснит себе всех его располагающих к себе качеств.

Во всяком случае мне показалось закономерным, что новые грани дарования Самойлова так ярко дали о себе знать именно на сцене театра с берегов Волги. Опираясь на опыт, на выверенные практикой «горьковские» традиции этого коллектива, Самойлов настойчиво оттенял трагическое противоборство добра и зла в душе умного, деятельного и далеко не бесталанного Ричарда. Как бы низко ни вел себя в смрадном мире ночлежки грубоватый Сатин, он не мог не

Встречи поздние и ранние

Актеры и роли

подкупить нас иступленной верой в то, что ложь, действительно, «религия рабов и хозяев», а «правда — бог свободного человека...». Так же справедлив был нравственный суд над спасовавшим перед обстоятельствами Виктором.

Не могу не связать со всем этим тогдашних попыток Самойлова-актера попробовать свои силы в режиссуре. Примечательно само желание мыслить самостоятельно, соизмеря частные актерские задачи с общим замыслом пьес и спектаклей.

А ДАЛЬШЕ повторилось уже знакомое. Очередная встреча свердловчан с Самойловым, приглашенным А. Гончаровым в труппу Московского театра имени Вл. Маяковского, снова не обошлась без неожиданностей. В памяти всплывает непривычная по своим внешним и внутренним сценическим характеристикам фигура Великатова из спектакля по «Талантам и поклонникам» А. Н. Островского. В самойловском герое не было ничего от привычного «купеческого» антуража. Элегантный, скромно со вкусом одетый, он, безусловно, был начитан, разбирался в искусстве, что не мешало ему, впрочем, во всем и всегда блюсти интересы коммерции и личной выгоды. И это контрастное сочетание индивидуальных черт помогало спектаклю выйти на серьезные социальные раздумья о многоликости бездуховности мира угнетения и наживы.

Тем дорожке был решительный бой с лицемерами всех мастей главного героя спектакля маяковцев о Копернике. Не скрывая житейских слабостей Коперника (а именно на них пытаются играть враги великого ниспровергателя церковных догм), Самойлов наделял его непоколебимой верой в силу человеческого духа и разума, в необоримость истин, всецельных правдой.

Кстати, работой над образом Коперника Самойлов продемонстрировал в «Конце книги шестой» завидное умение точно и взволнованно передавать на сцене живое биение человеческой мысли, столь необходимое для современного так называемого «интеллектуального театра».

И ВОТ очередной приезд маяковцев в Свердловск... Не скажу, что он во всем благоприятен для актера. За рамками гастрольной афиши оказалась одна из самых дорогих его работ последнего времени — главная роль в пьесе И. Друца о нашем современнике «Праздник души». Не всегда в пользу актера и драматургический уровень пьес, в которых он занят. Так получилось, к примеру, в спектакле «Смотрите, кто пришел!», о чем уже писалось в «Уральском рабочем».

Впрочем, мне бы не хотелось сгущать краски. Мы узнали хорошо знакомый, достоверный, выверенный в хорошем и малом сценический почерк актера в «Беседах с Сократом». Ключом к характеру хитрого, «делового», жестокого властолюбца — кожевенника Анита актер делает его признание о том, что философия, стремление познать истину хороши до той поры, пока не мешают осуществлять личные корыстные замыслы. Анит потому и страшен, что в меру умен, и в меру подл. Таким дано совершить и оправдать любое преступление.

Но, самое главное, нынешний приезд в Свердловск снова стал встречей с Самойловым в чем-то иным и непривычным. И, впрямь, дотоле не приходилось видеть актера в ролях трагикомических, откровенно смешных и эксцентричных. Между тем Самойлову по плечу и эти жанры.

Надо отдать должное А. Гончарову, как главному режиссеру театра. Будучи приверженцем яр-

ких и броских сценических решений, он умеет открывать в актерах глубинные творческие резервы. И он не ошибся, доверив Самойлову создание сатирического образа дельца и проходимца, азартного картежника Парамона Корзухина в булгаковском «Беге». Ведь перед этим Самойлов с честью сдержал экзамен на право играть комедию в постановке пьесы Э. Брагинского и Э. Рязанова «Родственники». В этом спектакле он поет, танцует... Нельзя без улыбки смотреть на «тайнственно» поднятый воротник пиджака, черные очки и низко надвинутую шляпу его героя — директора рыбного магазина Бурова, когда тот пытается вывести на чистую воду корыстного «жениха» своей дочери Ирины. Все эти сценические «чересчур» не шокируют, потому что Буров очень и очень любит свою единственную, к сожалению, не красавицу дочь. И очень и очень не хочет, чтобы она стала всего лишь «ступенькой» в карьеристских расчетах проходимца Заплата, мечтающего о сладкой жизни за плечами «тестя» со связями. В такой ситуации, как говорится, хочешь не хочешь, а пойдешь на все!

Но главным спектаклем, показавшим подлинную многогранность таланта Самойлова, конечно же, стал его блестящий дуэт с Т. Карповой в спектакле «Игра в «джин» по пьесе американского драматурга Д.-Л. Кобурна. Все происходящее на сцене заставляет вспомнить о смехе сквозь слезы... Да и как же иначе можно реагировать на совсем не «карточный» поединки двух одиноких, забытых «богом и людьми» стариков? Жизнь так круто обошлась с ними, что поверить в возможное счастье, тем паче на склоне лет, просто абсурдно. Только и ждешь, что «партнер» сделает тебе очередную гадость!

Этот вынужденный эгоизм, настороженность зримо присутствуют в каждом слове, каждом жесте Веллера — Самойлова. Но в нем так же четко дает о себе знать и другое... На одном из первых спектаклей, который мне довелось посмотреть в Москве, меня поразила большая щедрость «бомбошка» на кепке Веллера! Таких не носят взрослые, зато их часто видишь на малышах.

И мы догадываемся, зачем понадобилась актеру эта броская деталь. Мартин Веллер у Самойлова — большой, истосковавшийся по вниманию и заботе ребенок. А детям свойственно капризничать, задираться, сердиться по пустякам в минуты горькие и радостные. Этой-то логике, которой постоянно оперировал в своих фильмах Чаплин, и следует сценическое поведение неуравновешенного партнера Фонсии Дорси. С нею же связаны наивные и упрямые искорки надежды, выраженной в пушкинских стихах, обрамляющих спектакль. Мы отлично знаем эти строки о любви, которая, может быть, вопреки всему да и «блеснет улыбкою прощальной». И другие, начинающиеся страстным, протестующим: «Но не хочу, о други, умирать!»

Самойлов читает эти пушкинские строки проникновенно. В них — заряд вложенной в каждого из нас самой природой неизбывной тяги к жизни, к свету, добру.

А добро, — я запомнил это признание актера с кемеровских встреч, — главная для Самойлова тема. Он убедительно доказывает это и в прямую, и от обратного, когда заставляет нас думать о людях, считающих отзывчивость и зоркость сердца — всего лишь «предрассудком» далекого прошлого. Уверен, неоднократные встречи свердловчан с талантливым мастером сцены и кино, так же, как и меня, убедили их в этом.

Л. МАКОВКИН.
На снимке: народный артист РСФСР В. САМОЙЛОВ.

Фото Ю. Подкидышева.